

КЪ ВОПРОСУ О ВООРУЖЕНІИ УЛАНОВЪ.

Въ минувшую франко-германскую войну прусскіе уланы оставили по себѣ во Франціи едва-ли не самое глубокое и самое долговѣчное впечатлѣніе. Ни знаменательные подвиги прусской пѣхоты, ни признанное превосходство прусской артилеріи не будутъ жить такъ долго въ памяти французскаго народа, какъ отважные подвиги прусскихъ улановъ. Уже въ ту пору, когда французы имѣли этихъ наѣзниковъ передъ своими глазами, уланы сдѣлались мнѣшескими личностями. Подобную же роль играли, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, и наши казаки: еще много лѣтъ спустя послѣ наполеоновскихъ войнъ, не было конца народнымъ легендамъ о питомцахъ тихаго Дона. Слово «уланъ» не выражало какого-либо особаго рода кавалеріи; оно получило гораздо болѣе обширное значеніе: французы разумѣли подъ «уданомъ» вообще «кавалериста». Почти всѣ французскія газеты были наполнены самыми необычайными слухами о составѣ и образованіи этого грознаго войска; и теперь еще неправдоподобнѣйшіе рассказы объ уланахъ переходятъ изъ устъ въ уста между всѣми слоями народа—и имъ вѣрятъ. Въ декабрѣ прошлаго года прусскій фельдшеръ, 14-го уланскаго полка, попалъ въ руки мобилей, и ему угрожали смертію, если онъ не откроетъ, «какъ привязываютъ улановъ къ лошадямъ». Послѣ многихъ протестовъ, что ничего подобнаго никогда не бывало, фельдшеръ, застрашенный каннію, признался, что улановъ дѣйствительно привязываютъ къ коню ремнемъ (*). Мобили остались очень довольны этимъ открытіемъ.

Въ виду такого значенія, прибрѣтеннаго прусскими уланами въ

(*) Передъ самымъ началомъ восточной войны, когда союзный флотъ бомбардировалъ Одессу, непоколебимая стойкость нашихъ артиллеристовъ, находившихся подъ командою прапорщика Щеголева, до того озадачила французовъ, что они остановились на мысли, будто канониры были привязаны къ пушкамъ.

последнюю войну, авторъ статьи, помѣщенной въ № 61-й «*Militair Wochenblatt*», одинъ изъ участниковъ въ войнѣ, обращаетъ вниманіе на недостатки, вредящіе совершенству этого рода кавалеріи, именно на неимѣніе уланамъ цѣлесообразнаго огнестрѣльнаго оружія. Статья заключаетъ въ себѣ нѣсколько общихъ мыслей о вооруженіи легкой кавалеріи, т. е. о вопросѣ вполне современномъ, и притомъ спорномъ. Сообщаемъ сущность ихъ.

Состоявшая при I арміи 3-я кавалерійская дивизія—три полка уланскихъ (5-й, 7-й и 14-й) и одинъ полкъ кирасирскій (8-й)—не имѣла ни одного полка, который былъ бы вооруженъ карабинами. Различныя чрезвычайныя обстоятельства сложились такъ, что весьма чувствительнымъ образомъ выказали этотъ недостатокъ во вторую половину кампаніи (послѣ паденія Меца). Необыкновенно-суровая зима почти отнимала у передовыхъ войскъ всякую возможность располагаться бивуаками и принуждала ихъ укрываться отъ холода въ деревьяхъ и въ отдѣльныхъ мызахъ. Между тѣмъ, возставшая страна превратила едва-ли не каждаго крестьянина въ вольнаго стрѣлка, который бралъ въ руки ружье, когда могъ это дѣлать безнаказанно, или пряталъ его, когда опасался быть захваченнымъ. Дороги, покрытыя гололедицею часто по цѣлымъ недѣлямъ, заваленныя глубокимъ снѣгомъ, равно и замерзшія вспаханныя поля, ослабляли въ высшей степени наступательный элементъ конницы. Вдобавокъ, совершенный недостатокъ кавалеріи у противника приводилъ прусскіе аванпосты почти въ постоянное столкновеніе съ непріятельскою пѣхотою. Конечно, всѣ эти обстоятельства были необычныя, однако не неестественныя: въ большихъ или въ меньшихъ размѣрахъ они могутъ повториться—и повторялись во всякомъ зимнемъ походѣ, во всякой войнѣ противъ чуждой національности. Для возмѣщенія недостатка оборонительной силы кавалеріи, пруссаки почти всегда придавали кавалерійской дивизіи по одному или по нѣсколькимъ баталіонамъ пѣхоты; но такое средство, при распредѣленіи массы конницы на значительномъ пространствѣ, имѣетъ свои границы. Если каждому полку эскадрону или цѣлому эскадрону придавать известное количество пѣхоты, то это было бы или въ ущербъ часто безусловно-необходимой быстроты движеній, или въ ущербъ самой пѣхоты, не говоря уже о вредѣ отъ раздробленія силъ. Французы, разумѣется, пользовались слабостію небольшихъ частей прусской кавалеріи: нападенія вольныхъ стрѣлковъ и мобилей наносили иногда пруссакамъ чувствительный уронъ.

Прусскій уланъ вооруженъ пистолетомъ; но, опытомъ убѣдившись

въ его недѣйствительности, потерявъ всякое довѣріе къ этому оружію; только однажды пистолеть былъ употребленъ съ пользою, да и то не въ силу дѣйствительности выстрѣловъ изъ него. 6-го января 1871 года ротмистръ Кейзенбергъ, 14-го уланскаго полка, стоялъ на аванпостахъ у Бюкуа (въ 2½ миляхъ на югъ отъ Араса), весьма близко отъ непріятеля. Двѣ непріятельскія роты двинулись изъ Аиты къ названному мѣсту, вслѣдствіе чего ведеты отступили въ деревню. Ротмистръ Кейзенбергъ поставилъ нѣсколько улановъ за околицей и приказалъ имъ живо выстрѣлить изъ пистолетовъ. Зангъ былъ сдѣланъ, на разстояніи шаговъ восьмисотъ, изъ пистолетовъ и изъ одного ружья шасспо, случайно оказавшагося въ эскадронѣ. Непріятель, вообразивъ, что за деревней расположена пѣхота, остановился, отказался отъ атаки, и эскадронъ спокойно провелъ слѣдующую ночь. Хитрость, на этотъ разъ, удалась; но имѣла-ли бы она успѣхъ при частомъ повтореніи—болѣе нежели сомнительно.

Въ теченіе кампаніи, непріятное чувство служить вѣчною цѣлію выстрѣловъ, не имѣя возможности отвѣчать на нихъ, усилилось въ такой степени, что уланы сами стали придумывать средства къ оборонѣ. Тамъ и здѣсь начали появляться кавалеристы вооруженные шасспо. Когда эта мѣра была не только одобрена, но и поощрена начальникомъ дивизіи, графомъ Гребеномъ, каждый эскадронъ запасся нѣсколькими экземплярами шасспо, потому что въ каждомъ эскадронѣ не доставало нѣсколькихъ пикъ, и въ каждомъ эскадронѣ нашлось довольно людей, которые выучились употреблять шасспо и полюбили это сподручное ружье. Выгоды такого импровизованнаго вооруженія улановъ вскорѣ обнаружилась самымъ блистательнымъ образомъ.

20-го января 1871 года кавалерійская бригада графа Доны выступила, на разсвѣтъ, изъ Месми, чтобы продолжать преслѣдованіе разбитаго, въ теченіе двухъ дней сряду, непріятеля. Эскадронъ Шауберта, 14-го уланскаго полка, шелъ въ авангардѣ. Густой туманъ затруднялъ обзоръ мѣстности; всѣ деревни были полны бѣжавшими солдатами арміи Федерба, которые легко могли бы остановить переправу кавалеріи черезъ Сенъ-Бантенскій каналъ. Изъ многихъ деревень уже слышались выстрѣлы въ головную часть эскадрона, въ той, конечно, надеждѣ, что уланы испугаются и преслѣдованіе будетъ приостановлено. Но такъ какъ французы были разбиты на-голову, то пруссаки и не могли предполагать въ нихъ стойкости. «Шасспо впередъ!» послышалась команда. Двѣнадцать или пятнадцать улановъ, вооруженныхъ этими ружьями, спѣшили; часть эскадрона окру-

жила деревню и претрадила выходъ изъ нея по ту сторону. Спѣшившіеся уланы, овладѣвъ деревню, погнали бѣгущихъ французовъ на астрѣчу своимъ кознымъ товарищамъ, прочее забраны были сотни пѣвнихъ. Осмотрѣ домовъ, гдѣ взято было еще большее число въ плѣнъ, уланы предоставили сѣдовавшей за ними пѣхотѣ, которая, съ главными силами отряда, состоявшими подѣ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Гребена, выступила въ восемь часовъ изъ Файе. Только эти быстрымъ и энергическимъ движениемъ авангарда достигнута была возможность, что отрядъ (*) совершилъ назначенный на тотъ день переходъ въ пять миль (35 верстъ). Передѣ Маньеромъ выдвинутъ былъ составленный изъ всѣхъ родовъ оружія авангардъ, который выгналъ отсюда послѣднія французскія части и даже отбросилъ ихъ въ крѣпость Камбрэ. Вечеромъ пруссаки овладѣли переправами черезъ Маасъ и мостами черезъ каналъ въ Маркуанъ-Маньерѣ и Кревьерѣ; патрули доходили до предѣстій Камбрэ.

Рассказывая этотъ случай, какъ шочительный примѣръ, авторъ статьи прибавляетъ, что, если вооружить часть эскадрона хорошими ружьями, то довѣріе улана къ его главному оружію, пикѣ, тѣмъ не будетъ парализовано, и самый эскадронъ не будетъ ослабленъ; напротивъ, самоувѣренность будетъ возвышена, коль скоро солдатъ знаетъ, что въ томъ или въ другомъ случаѣ, когда неудобно работать пикою, товарищъ окажетъ ему нужную защиту огнестрѣльнымъ оружіемъ. Впрочемъ, этотъ вопросъ уже и прежде былъ обсуждаемъ неоднократно. Извѣстный кавалерійскій генералъ графъ Бисмаркъ подробно говоритъ о немъ въ свѣжѣхъ сочиненіяхъ о кавалеріи и требуетъ особенныхъ стрѣлковыхъ взводовъ. Конечно, конно стрѣлковые взводы придаютъ уланскому эскадрону неравность, но такъ какъ въ наше время не гоняются слишкомъ за правильною фланжировкою, встрѣчающеюся болѣе на учебномъ плацу, нежели въ полѣ, то нѣтъ и надобности въ многочисленности людей, предназначенныхъ для одной извѣстной цѣли. Отъ двадцати до двадцати четырехъ человекъ, вооруженныхъ вмѣсто пика хорошими ружьями, носимыми на перевязи (en bandoulière), можно распределить во второй шеренгѣ; такимъ образомъ, равномерность эскадрона будетъ нарушена развѣ только для глазъ, но нисколько не въ ущербъ силѣ удара его при столкновеніи (choc). Подобнаго рода стрѣлки-уланы могли бы быть придаваемы, въ нужномъ числѣ, отдѣльнымъ отря-

(*) Кромѣ кавалерійской дивизіи, восемь баталіоновъ пѣхоты и четыре пѣшія батареи 1-го корпуса.

дамъ, напримѣръ рѣвизиціоннымъ командамъ, постамъ и т. д. При малыхъ патруляхъ они бесполезны: такъ какъ двѣ трети эскадрона имѣютъ ружья, то, въ случаѣ чрезмѣрнаго утомленія людей и лошадей, можно, безъ особеннаго неудобства, допускать смѣну. Употребленіе же стрѣлковъ-улановъ въ цѣломъ составѣ должно быть болѣе предоставлено усмотрѣнію эскадроннаго командира, чѣмъ обусловлено уставомъ.

По мнѣнію автора, каждаго всадника было бы цѣлесообразнѣе вооружить не пистолетомъ, а револьверомъ, четырехъ или пятиствольнымъ, не тяжелымъ, но прочнымъ, и съ возможно-простѣйшимъ механизмомъ. Такой револьверъ авторъ предлагаетъ помѣщать съ правой стороны сѣдла, а всѣ прочія вещи всадника съ лѣвой. Заставлять же носить револьверъ на себѣ онъ признаетъ неудобнымъ потому, что на bivуакѣ или на квартирѣ люди могутъ легко оставлять его по забывчивости или въ-торопяхъ.

Предложеніе прусскаго офицера, относительно вооруженія части улановъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, имѣетъ тѣсную связь съ возбужденнымъ нынѣ во многихъ арміяхъ вопросомъ о снабженіи вообще кавалеристовъ ружьями и револьверами. Читателямъ уже извѣстно, что во Франціи всѣ девять уланскихъ полковъ упразднены и переформированы болѣею частію (семь полковъ) въ драгунскіе, и только два обращены въ конно-егерскій и гусарскій, такъ что изъ *пятидесяти шести* полковъ французской кавалеріи *сорокъ четыре* вооружены теперь ружьями скорострѣльными и дальнестрѣльными (*). Но уже появились, на иностранныхъ языкахъ, трактаты о современной кавалеріи (**), въ которыхъ требуютъ формировать особыя части изъ *пѣхоты, посаженной на коней*—нѣчто въ родѣ нашихъ прежнихъ конно-егерей и драгуновъ. Поводомъ къ такому требованію послужили успѣхи, одержанные подобными всадниками-пѣхотинцами въ послѣднюю сѣверо-американскую войну.

Т.

(*) См. № 180-й „Русскаго Инвалида“, отдѣлъ „вышнихъ извѣстій“.

(**) Съ однимъ изъ такихъ трактатовъ редакція „Военнаго Сборника“ намерена познакомить своихъ читателей.